

Игорь Андреевич решился сделать Алле Петровне предложение. По всему выходило, что надо, надо бы. Судьба не судьба, но обстоятельства сложились знаково.

Как вышло-то: Васнецова, сотрудница из параллельного отдела, проявила инициативу. У шефа день рождения, как водится, сбросились, поздравили, пожелали, вручили. По бокалу шампанского — под торт. Тут Васнецова и подходит:

— Можно, — говорит, — Игорь Андреевич, вас на минуточку?

— Всегда готов, — улыбается Игорь Андреевич.

А Васнецова берет его под локоток, выводит в коридорчик и шепчет:

— Вы, Игорь Андреевич, только сразу не отбрыкивайтесь. Вы, я знаю, человек одинокий, и давненько уже. Так я вас с человеком хочу познакомиться. Очень хороший человек.

Сказать, что Игорь Андреевич опешил — да нет, конечно. Вот сказала Васнецова, и как-то сразу он почувствовал — а почему бы и нет, собственно. Хотя, конечно, хохотнул:

— Да не смешите вы людей, ради бога!

¹ В 2013 году в «Подъёме» (№ 1) был опубликован рассказ Б. Подгайного «Пиво за ларьком», в котором действовали те же герои.

А она шепчет, глаза навькат:

— А что, а что, дело-то ваше одинокое, не сладко же... Вы еще в расцвете — чего теряться? А она — моя знакомая, тоже одинокая. Ну как одинокая — дочка у нее, взрослая, студентка, а муж умер, года три как... Очень приятная женщина, душевная, симпатичная, чего б вам не познакомиться?

— Да я... — заикнулся, было, Игорь Андреевич.

— Кто вам что говорит, — напевала Васнецова, — и у вас никого, и у нее: просто встречаться чтобы. По годам вы подходите, жильем обеспечены, никто ни на что не претендует, материально тоже... Она, между прочим, стоматолог-ортопед.

— О, — сказал Игорь Андреевич, — ортопед...

— Да, самостоятельная женщина, а уж характер какой... Я вот смотрю на вас и на нее: вы человек спокойный, хороший, она — изумительная. Чего вам мыкать? Встретились бы, познакомились, пожили в свое удовольствие...

Ну, вот так как-то.

Через пару дней зашел Игорь Андреевич к сотруднице в кабинет, после работы уже. Васнецова фотографии знакомой продемонстрировала — в сетях. Небольшого роста женщина, не худенькая, но без излишеств, без — приятная полнота. Прическа аккуратная, с завивкой, нос курносый, лицо круглое, выражение приветливое, доброе. Стоит в нарядном платье, плечи расправив, грудь вперед, у новогодней елки. Улыбается. Душевно, не вызывающе. С дочкой фотографии. Дочь, да, уже второкурсница, волосы распущенные, миловидная — скоро заживет своей жизнью. С братом фотки, с его семьей. Брат старший, частным извозом занимается, грузовым, солидный мужик, жена, двое детей.

Насчет мужа покойный Игорь Андреевич уточнил. Васнецова говорит — онкология. Ну, что тут, беда, конечно, горе, не погрешь. Но время лечит, жить-то надо, годы еще — вполне. На два года она Игоря Андреевича моложе.

— Ну, а нужен ей кто-то вообще? — спрашивает Игорь Андреевич.

А Васнецова, провокаторша, трубку к уху.

— Аллочка, — говорит, — привет! Слушай, дело какое: ты ведь одна сейчас? Ну, я про мужчину. Да? Ни с кем? А если б? Так познакомиться хочу! Ой, хороший мужчина, положительный...

И вот в таком духе. В общем, не против она познакомиться, если, конечно, человек стоящий. Так, чтоб понять, встретиться надо, а там уж как карты лягут. Просто знакомство — ни к чему не обязывает. И речь-то о том, чтобы именно встречаться, никакого официального оформления, люди взрослые, у каждого свой мир. Просто душевное тепло, которого всем хочется.

Персонализации, разумеется, не было. Игорь Андреевич знаком Васнецову предостерег, та глаза закатила молитвенно, дескать, все понимаю, никаких имен. Небольшая разведочка — просто выяснилось, что да, есть такой вариант. Игорь Андреевич подумает. И, если надумает, Васнецова их где-нибудь сведет, на нейтральной территории, в кафе, например.

— Ой, да повод придумаю, — убаюкивала сваха, — поводов — море! Лишь бы у вас все получилось, ведь сердце плачет: что ты, что она...

Разумеется, Игорь Андреевич никаких кульбитов не делал. Поговорил — да, послушал, но ничего определенного не сказал. Хотя было приятно, чего говорить. Даже заманчиво. И неожиданное «ты» от коллеги из параллельного как-то по-человечески прозвучало.

Потом так уж вышло, что с Васнецовой на тему Аллы Петровны он не общался. Да не общался и вовсе: работы хватало, не пересекались, а специально заходить или звонить по такому-то поводу...

Но вот ведь что: Игорь Андреевич зарядку начал делать. Примерно в эти же

дни. Тысячу лет собирался, себя уговаривал, да как-то все... А тут вдруг встал утром и давай: махи, сгибы, наклоны, приседания, бег на месте... Минут пятнадцать-двадцать — на работу же надо. Но каждый день. Включая выходные. Первый день всего-то семь раз смог отжаться, смех и грех. Но через неделю отжимался уже пятнадцать, потом довел до двадцати. Суставы потрескивали, одышка давала знать, то тут, то там побаливало, но постепенно Игорь Андреевич стал ощущать в мышцах — ну, наливающуюся упругость, рановато еще, но — потребность махать, вращать, шевелиться и развиваться. Причем потребность эта — явно — была *правильной*. Как и необходимость ежедневно выполнять определенный набор упражнений.

И даже живот, год от года превращавшийся — ой, да что там, давно уже превратившийся — в непотребное бочкообразное брюхо, стал... Ну, не совсем еще стал, не все сразу. Но, если не ходить, вывалив наружу мягкое и пухлое, а расправить плечи и грудь, распрямить позвоночник, уже превращался (да, да, заметно превращался) в небольшой, вполне приемлемый животик. До культуристских кубиков еще далеко, но мужиком беременным уже никто не обзовет.

С образом ортопеда Аллы Петровны свои физкультурные достижения Игорь Андреевич впрямую не связывал. И никак нельзя сказать, что все эти дни облик улыбчивой женщины у новогодней елки непрерывно маячил в его сознании. Но, чего скрывать, подумывать порой, что как-нибудь и когда-нибудь встреча с, глядишь, доброй и отзывчивой женщиной, да еще и стоматологом, может состояться, было не неприятно.

Хотя дни шли, а никаких действий, чтобы потолковать со свахой Васнецовой, Игорь Андреевич не предпринимал. Не то, чтобы от нерешительности, а... видимо, ждал знака.

Игорь Андреевич вернулся домой, в однокомнатную, примерно в полвосьмого. Это нормально, работа заканчивается в шесть, пока доедешь... В начале девятого сел за ужин — пельмени со сметаной. Игорь Андреевич старался готовить сам — супы, салаты, включая мясные, тушеные овощи, и разносолы мог, да и курочку в духовке... Но в тот день (середина недели) получилось, что, кроме пельменей фабричных, и ничего. Пельмени эти тоже кушать можно, если нечасто и если все-таки читать, что на упаковке написано.

В общем, сел. Пельмени-то были как пельмени, проверенная марка, не раз покупал. Но вот, когда еще добрых две трети в тарелке оставалось, Игорь Андреевич надкусил очередной мясной катышек и — крак! — ойкнул.

Внутри злосчастного кругляшка оказалась кость. Натуральная кость, сволочи-производители. Ну, обломок косточки, конечно, осколочек. Игорь Андреевич выплюнул.

На тарелке рядом с надкусанным комочком лежал его зуб. Правый передний. Верхний. Резец.

То есть, собственно, не сам зуб. Зуб этот потерял всю свою привлекательность еще в годы ранней молодости Игоря Андреевича. Еще когда он в армии служил, срочную, в госпитале военврач или военфельдшер (дай бог памяти) поставил ему на этот осколок пломбу. Перед демобилизацией. Чтоб на гражданку пришел красивым. Хорошая была пломба, из качественных материалов, огромная, выглядела как полноценный передний верхний. Больше двадцати лет продержалась. Двадцать четыре, подумать только, года.

А теперь выпала. И лежит на тарелочке, маленькая, серо-желтенькая. Как недомолотый гадами-производителями ошметок костной животной трухи, об который и обломилась.

Игорь Андреевич осторожно тронул языком то место, откуда выпала пломба. Там было практически пусто, брешь. У самой десны — острые края, о которые и порезаться можно, внутри — дыра, уходящая вглубь.

Он сидел и смотрел в тарелку. А потом понял, что это знак.

2

Позвонил Игорь Андреевич Васнецовой, изложил суть проблемы. Вот такой, понимаешь, казус. Жил себе поживал, а тут зуб возьми да выпади. Ну, не зуб, в смысле, а пломба. Но на самом видном месте: ни улыбнуться толком, ни расхохотаться. Надо вопрос решать, и вот какие соображения: если ты (на «ты» уже с Васнецовой, по-дружески) знакомой своей, как там ее, Алле Петровне позвонила бы... Понятно, что дело платное, зубное протезирование всегда платное было, но раз уж такой случай, зачем к каким-то другим специалистам обращаться. Даже хорошо, что надо будет заплатить, никаких поблажек не надо. Но — именно к Алле Петровне, как раз уж и повод...

— Ага, ага, — понимающе придыхала в трубку Васнецова, — ой, да без проблем...

— Только о том, что я — какие-то виды, ей ни слова, — категорически подчеркнул Игорь Андреевич. — Встречусь как пациент, не более, а там...

— Понимаю, понимаю, — согласно вздыхала Васнецова, — очень верное решение: не было бы, как говорится, счастья, да...

Минут через пятнадцать она перезвонила, сказала, что Алла Петровна готова принять завтра, на предварительную консультацию. В такое-то время по такому-то адресу.

Место было знакомое. Мимо этой поликлиники Игорь Андреевич частенько хаживал на работу — с работы. Года три-четыре назад.

Наутро Игорь Андреевич отпросился у шефа и пошел на консультацию.

Ждать пришлось сравнительно недолго, хотя были люди с талонами на прием. Но Игорю Андреевичу выглянувшая из кабинета медсестра сказала персонально: «Заходите». Алла Петровна оказалась, действительно, небольшого роста, примерно на полголовы ниже Игоря Андреевича, кругленькая, но, насколько позволял судить медицинский халат, и впрямь без излишеств. Вот только нижняя половина лица у нее была закрыта марлевой повязкой — то ли карантин в поликлинике, то ли такие правила безопасности. Так что составить полное представление о внешности было не совсем удобно. Но глаза нестрогие, голос мягкий, вежливый, располагающий, движения изящные.

Собственно, в первый день и общение было недолгим. Алла Петровна выписала направление на рентген зуба, а, посмотрев снимок, сказала, что за дело возьмется, но сначала надо зубик подлечить у терапевта. Тут же этому терапевту позволила: «Да, да, знакомый». Игорь Андреевич улыбнулся застенчиво. «Знакомый знакомой», — уточнила Алла Петровна, уже положив трубку. И тоже, как показало Игорю Андреевичу, улыбнулась. Там, под маской.

Медсестра пенсионного возраста (скорее, медбабушка) любезно проводила его на соседний этаж, к кабинету стоматолога-терапевта. Там тоже быстро, без очереди, договорились, что прийти нужно будет на следующий день. Попутно Игорь Андреевич узнал, что у медсестры Аллы Петровны вирусный конъюнктивит и надо бы на больничный, да вот замещать некому, у всех нагрузки, а Аллочке-то скоро в отпуск. Понятно, что это она не ему поведала, а коллегам по цеху. Глаза у медбабушки, действительно, были красные и воспаленные.

Потом, правда, оказалось, что не все так быстро. Дважды пришлось встречать-

ся с терапевтом, слава богу, что сверлят нынче зубы достаточно безболезненно. А после было целых пять свиданий непосредственно с Аллой Петровной. В смысле, в ее кабинете. То через день, то через два, то, когда выходные, и с большими промежутками.

Когда Алла Петровна работала во вторую смену, можно было приходиться часам к шести-семи, но несколько раз приходилось отпрашиваться и в рабочее время. Шеф, конечно, шел навстречу, но Игорь Андреевич из-за отлучек среди дня сам чувствовал себя неловко.

Остаток зуба сначала запломбировали временно, потом пломбу разворотили, ввинтили внутрь какую-то вставку, чем-то ее обработали, получился черный блестящий штырь. Потом изготовили коронку — металлокерамическую, насаживали ее на этот штырь. Периодически приходилось делать слепки челюстей — и верхней, и нижней. Алла Петровна всякий раз предупреждала:

— Сейчас буду давить сильно, потерпите...

Давила, действительно, качественно и ответственно. Чувствовалась сила, чувствовалась.

По ходу эпопеи Васнецова периодически отлавливала Игоря Андреевича в служебных кулуарах и шептала заговорщицки:

— Ну, как ты там с Аллочкой? Какие беребендосы?

— Да я и не разглядел толком, — отвечал Игорь Андреевич поначалу, — у нее лицо марлей закрыто. Нормальный вроде бы человек...

Потом стал говорить развернутей:

— Хороший человек, по-моему, хороший. Профессионал отличный, отзывчивая. Тщательно подходит, выверенно, с душой. Внимательная, чуткая...

— Ну а внешне-то как? — елозила локотками Васнецова. — Не все ж она время в повязке — разглядел?

— Видал и без повязки, — прикрывая рот рукой, усмехался Игорь Андреевич, — миловидная, да.

— Ой, а человек-то какой, — постанывала Васнецова, — золото, а не человек... И такая судьба...

Игорь Андреевич несколько раз настоятельно подчеркивал: никаких переговоров за его спиной не ведется? Ничего Аллочка, Алла Петровна, то есть, конечно, не знает о всяких там возможностях встреч?

Васнецова клятвенно заверяла, тараща глаза. И тут же спрашивала:

— Ну а ты-то сам как? Планируешь?

Игорь Андреевич сначала отвечал более уклончиво, потом менее. Ну и, наконец, сказал:

— Вот завтра последний день, так что... почему бы и нет, подумываю.

— Ой, — заворковала Васнецова, — и правильно, и дай бог счастья, дай бог... Ведь какие люди...

Действительно, оставался один окончательный визит. За почти две недели эпопеи Игорь Андреевич, безусловно, сумел уже и разглядеть стоматолога-ортопеда, и оценить — предварительно, понятно — ее человеческие качества.

Заканчивая очередной сеанс, повязку она снимала. Красавицей, конечно, нельзя назвать, но было в выражении ее лица что-то, на взгляд Игоря Андреевича, милое, трогательное и даже доверчивое. Детское почти. Каждый раз она подробно объясняла, что уже сделала и что еще предстоит. И сразу же рассказывала, сколько будет стоить работа. Упомянув, это было приятно, о том, что постарается издержки, не в ущерб делу, уменьшить.

Рядом с ней в кабинете работал еще один ортопед — молодой, лет двадцати семи

парень, но абсолютно лысый (не бритый, а окончательно лысый). Когда пациентов у него не было, он подходил к Алле Петровне и наблюдал, как она священнодействует с зубом Игоря Андреевича. Женщина и ему рассказывала, что да как происходит, но уже на профессиональном языке, полумеждометиями да латинскими терминами. Лысый всматривался в распахнутый рот Игоря Андреевича, кивал согласно, задавал уточняющие вопросы, впитывал.

Иногда они говорили на темы, относящиеся к случаям с другими пациентами. Например, о том, что кому-то протезирование стало в триста тысяч рублей. «Триста, мама», — внутренне ухал Игорь Андреевич, благодарно ощущая, как бережно и заботливо поправляет Алла Петровна трубку слюноотсоса в его беззащитно разверзнутой пасти. А ему-то все обойдется в семь-восемь.

Было, конечно, в этой его беззащитности нечто смущающее. Ну, насколько уместно с женщиной, которая видит такое вот твоё нутро, вдруг заговорить о чем-то другом. Игорь Андреевич несколько вечеров дома об этом думал. И пришел к выводу, что это-то как раз неплохо. Ну, видела, значит, уже имеет представление. Тем более, что ничего ужасного там нет, не на триста тысяч. И запаха, пардон, вроде бы, не наблюдается. Алла Петровна просила его полоскать гортань настоем шалфея и ромашки, но для того, чтобы потревоженную десну над зубом успокоить. Игорь Андреевич аккуратно полоскал. И от налета на зубах — ну, там, камень, как он называется — прочистился еще у терапевта.

К счастью, лысый парень вглядывался в его нутро далеко не всегда. Были удачные моменты, когда Алла Петровна склонялась над ним одна, и Игорь Петрович мог, делая вид, что изучает полуоблетевшие деревья за окном или высматривает стаю ворон, планирующих на фоне тусклых осенних туч, смотреть на самом деле на внимательные, сосредоточенные глаза над марлевой повязкой. Не шикарные, не роскошные, но, казалось ему, добрые и понимающие. А когда Алла Петровна отходила к столику, чтобы взять требующиеся ингредиенты, он мог составить представление о том, что же, собственно, находилось под халатиком. Отторжения это не вызывало.

В общем, оставался ему окончательный визит. И Игорь Андреевич решил сделать предложение.

3

Собственно, решил предложить встретиться. На данном этапе ничего иного предложить и нельзя. Как, примерно, это должно было произойти?

Вот завершается эпопея с зубом, он встает, благодарит за проделанную работу. Комплиментик, конечно: вы, Алла Петровна, замечательный профессионал, внимательный и чуткий человек, приятная женщина.

— Нет, «приятная» — лишнее, рано пока, — встревал внутренний оппонент.

— Пожалуй, — соглашался Игорь Андреевич. «Приятная» и другие личностные оценки — это уже для самой встречи. Где ее провести?

Приглашать сразу в театр или на концерт — не то, не то. Там и поговорить негде, и непонятно, нужны ли ей эти театры. Бродить по улицам — не дети малые. В кафе, да, да, вот где. Потом можно до дому проводить, да и зайти, если пригласит.

— А дома дочка, — напоминал оппонент.

Ну, для первого раза и не нужно заходить. Да и бродить пешком не нужно, лучше такси заказать, прямо к подъезду, солидно. Где она живет, кстати? У Васнецовой спросить?

Поразмыслив, решили с оппонентом к услугам Васнецовой не прибегать. Вообще, хватит с нее, а то уж совсем как-то получается: шоу «Давай поженимся». О женитьбе, кстати, сразу же надо оговорить, не с первых слов, но в процессе.

Чтобы сразу определенность была: никаких планов, ни с вашей стороны, ни с моей. Не об этом речь, люди мы взрослые, солидные.

— Так тоненько, пунктирчиком, надо бы провести, что возможность — в будущем — не исключена, — советовал оппонент. — А то уж совсем любово получается.

— Ну, может быть, — склонялся и Игорь Андреевич, — но очень остороженько. Прежде — узнать, понять друг друга. Родство душ — вот главное...

Кафе должно быть не заоблачно шикарным, но и не забегаловка. Не фастфуд. Чтобы музыка по ушам не била, чтобы не хари пьяные вокруг, а сидят люди интеллигентно за столиками, общаются. Где такие есть, черт их дерит?

Игорь Андреевич вспомнил, что совсем рядом с поликлиникой кафе было. Наверно, и сейчас есть. «Каспий» называлось. Игорь Андреевич в нем, кстати, ни разу и не сживал. Хохотнули с оппонентом: нет, нет, «Каспий» — категорически. В принципе, кафе — не проблема. В интернет залезть — там этих предложений, и с интерьерами, и с услугами... Лишь бы согласилась.

А почему бы не согласиться-то? Что он — урод? Хотя, с другой стороны, приходит незнакомый мужик: давайте встретимся. С какой стати? Ей домой бежать, дочку кормить, в отпуск собираться. Да, может, он — маньяк!

— Мама моя, а если она уезжает, в отпуск-то? — спохватился Игорь Андреевич. Он уже знал, что у Аллы Петровны отпуск начинался через четыре дня. С лысым она это обсуждала, с медстарушкой глазливой. Но про «уезжает» речи не было. Да, «наконец-то, хоть дух переведу, хоть в слякоть» — это обговаривали. Раз «слякоть», значит, тут и будет, ни в какие жаркие страны не попрется.

А если и уедет, так что? Можно договориться встретиться неделек через несколько, даже лучше. Чем лучше-то?

Тьфу, не существенно. А что существенно? А вот что о себе-то рассказывать, на первой встрече? Правду, всю правду, разумеется. Разумеется, конечно. Вот только что значит — «всю»? Не маньяк, чай, не уголовник, не бомж... Все и рассказывать, как есть. Обычная жизнь, внешне — может быть, и мало примечательная. Но должность приличная, служебное положение — устойчивое, насколько устойчиво что-либо в наши времена. Возраст — как видите, здоровье есть еще. Одинокий, вот уже четвертый год, детей нет. Почему развелась? Ну, бывает, расходятся люди, ни скандалов, ни... Вообще, о жене бывшей надо — только хорошее, на первой-то встрече. Хорошее и будет, чего плохого-то говорить, и, в принципе, сказанного — достаточно. Лучше побольше о ней самой порасспрашивать: «Вы, я знаю, тоже одиноки»...

— Стоп-машина. — Оппонент тут как тут. — Откуда, Игорь Андреевич, такая осведомленность?

— А лысый разболтал или медбабуса, как ее там...

Ладно, будет встреча — понятно станет, как беседовать, какие кружева... Можно прямо на этапе приглашения: «Я — одинокий, вы, я знаю, тоже». — «Откуда это вы знаете?» — «Знаю, знаю. — И улыбнуться загадочно, но без излишеств, скромно. — Вы только сразу, Алла Петровна, не отвергайте. Просто встретимся, поговорим, как приятные друг другу собеседники. Ни к чему не обязывает».

Да, так, примерно. И Васнецова ни при чем.

В таких слегка кружащих размышлениях Игорь Андреевич подошел уже к зданию поликлиники. Ходил он все эти дни от ближайшей остановки, мимо совсем недавно выросших двадцатичетырехэтажек, потом вдоль небольшого сквера, за которым сразу было здание поликлиники, а дальше, через небольшую дорогу стояли кварталы трех-, четырех-, пятиэтажных хрущевок и брежневов с крохотными совсем уж сквериками. И кафе «Каспий» там же, чуть дальше.

Но с той стороны Игорь Андреевич все эти дни не ходил.

День был сырой, влажный, впрочем, сравнительно тихий, без пронизывающего ветра. Золотая сухая осень прошла, в лужах лежали бурые обрюзгшие листья. Пожалуй, уже предчувствовались и снегопады, такие же, поначалу, влажные и кашеобразные, за которыми придет настоящая зима с ясной и прочной погодой, с бодрящей свежестью.

Алла Петровна была без маски. Улыбнулась, как показалось Игорю Андреевичу, особенно приветливо.

— Думаю, часа через полтора вы уйдете отсюда с красивым зубом. Есть у вас полтора часа?

Полтора часа было, по сравнению с предыдущими визитами, втрое больше. Но куда деваться? Игорь Андреевич покорно развел руками.

— Цвет меня смущает, — посерьезнела Алла Петровна. — Очень у ваших зубов оттенок необычный. Боюсь, не попали. Придется напыление делать.

Медсестры-пенсионерки в кабинете не было, видимо, все-таки ушла на больничный со всеми своими глазными вирусами. Вместо нее за столиком сидела девица с подведенными глазками и короткой, почти ежик сзади, стрижкой. Напротив расположился лысый молодой специалист, записывая что-то важное в персональные медкарточки пациентов.

— Десна хорошая, — ласково сказала Алла Петровна.

— Полоскаю шалфейчиком.

— Хорошо...

Она ловко вдела (Игорь Андреевич вновь привычно отметил силу ее небольших рук) коронку на черный штырь и позвала лысого с новой медсестричкой. Все трое долго вглядывались в раззявленную ротовую полость Игоря Андреевича, просили открыть как можно шире, повернуться то влево, то вправо. Дали ему зеркальце, чтоб сам посмотрел.

На взгляд Игоря Андреевича, зуб ничем существенным от других не отличался. А сидел славно, словно свой. И форма понравилась, чуть скошенный, под стать соседним зубам.

— Нет, нет, все-таки отличается. Сложный у ваших зубов цвет. Все-таки — напыление. Звоните технику.

Девица с подведенными позвонила.

— Я же говорила, что надо будет еще, — склонилась Алла Петровна над Игорем Андреевичем, — но уж сделаем, как надо. Рот можно пока закрыть.

Игорь Андреевич благодарно кивнул. Алла Петровна вышла из кабинета.

— И как там женихи, Викуля? — спросил вдруг лысый.

— Ах, — расчихикалась сзади девица, — достали — отбою нет!

— Льнут? — явно заигрывал лысый.

— А то, — кокетничала стриженная, — напропалую!

— Словечко у тебя хорошее: «женихи», — явно потряхивал лысиной недавний интерн. — Я и не слышал такого раньше.

— Я их всех так называю, — явно посверкивала белоснежными медсестричка, — смех и грех! Один беззубый совсем, в драке выбили: «Ах, Вика, когда я вас увидел»...

Лысый хрюкнул.

— Другой, ему уже лет сорок, наверно, туда же: «Ах, как бы нам встретиться»... Жених! Кобельберто!

Игорь Андреевич сидел к ним затылком. Можно, конечно, было повернуться — но зачем?

Алла Петровна вернулась вместе с зубным техником — остроносенькой барышней с льяными вялыми волосами до плеч. Теперь уже вчетвером они просили

Игоря Андреевича поворачиваться во все стороны, даже подойти к окну, долго обсуждали, что цвет его зубов ни на что не похож, никакой шкале не соответствует. В результате коронку сняли, вручили зубному технику с напутствием точно попасть в оттенок «уж в этот-то раз».

А Игорю Андреевичу Алла Петровна сказала:

— Ну, еще немножко придется потерпеть. Чтоб все у нас наверняка. Минут тридцать-сорок, наверно. В коридорчике подождите. Или прогуляйтесь пока.

Игорь Андреевич вышел, присел. Вдоль длинного коридора сидели такие же пациенты, в основном, пожилые, некоторые — совсем развалины. По пять-шесть возле каждого кабинета. Очередной пациент зашел к Алле Петровне.

«А не прогуляться ли, в самом деле?» — подумал Игорь Андреевич.

4

Можно было пойти направо, назад к остановке и далее к центру города. Игорь Андреевич пошел налево.

Существенных изменений в природе, пока он был на приеме, не произошло. Все так же раскисали и плесневели бурой массой листья в лужах, все так же квазились под ногами прохожих, все той же несвежей марлей было затянато небо. Стало, пожалуй, еще сырей, но дождя пока не было. Так, ерунда какая-то то ли сеялась сверху, то ли просто висела в воздухе, взбаламученная потоками машин.

Игорь Андреевич пошел сначала по тротуару, параллельному автодороге, но там было слишком шумно и он повернул вглубь жилых кварталов. Места были знакомые, только не наведывался сюда Игорь Андреевич больше трех лет. Он шел, отмечая, что за это время изменилось, что осталось прежним.

Многих магазинов уже не было. То есть, места-то не пустовали, но многие заведения сменили названия и профиль деятельности. В бывшем продуктовом на первом этаже малосемейки шел ремонт. А вот на угловом крылечке перпендикулярно стоящей сталинке магазинчик сохранился: «ЧАЙ КОФЕ СОПУТСТВУЮЩИЕ ТОВАРЫ».

«Надо же», — усмехнулся Игорь Андреевич. В этот магазинчик и раньше-то редко кто заходил, а уцелел, поди ж ты. Они с Веточкой были здесь всего один раз. Веточке тут нагрубили. Ну, как, то есть — Веточка спросила: «И что у вас тут есть интересного?» А продавщица, оторвавшись от телефона, говорит: «Я ж не знаю, что вас интересует. Смотрите, выбирайте». И опять за телефон. Ничего вроде бы особенного. А Веточка обиделась. Потому что все остальные продавщицы в округе были с ней как свои, как приятельницы. «Вот это возьмите, это посвежее, а это не стоит, давненько лежит и дрянью напичкано». А тут, понимаешь... Ну, и больше они в этот чай-кофе не заходили. А Игорь Андреевич тогда промолчал, ничего не сказал продавщице.

Не стал заходить в магазинчик он и сейчас. Та же там тетка с телефоном или другая — какая разница. Вглубь дворов тоже не пошел, снесли там гаражи-развалины или нет — не столь существенно.

Парикмахерские как были, так и есть. Ближайший гастрономчик, где продавщицы — самые свои, он их по именам, они его по отчеству, уцелел. А вот вместо салона ритуальных услуг — магазин игрушек и других детских товаров. Надо же...

Ларьки с киосками тоже почти все на прежних местах. Только пиво в них теперь не продают. Запрещено постановлением — в ларьках. Что *правильно*. Игорь Андреевич пиво прекратил употреблять четыре года назад — категорически. Самый дурацкий напиток и для мужиков особенно вредный.

А вот ларька, за которым Игорь Андреевич чаще всего и позволял себе бутылочку-другую пенного по выходным, нет. Не выдержал конкуренции. И закуток,

благодаря которому он и предпочитал провести здесь часок-другой, преобразился. Кусты сирени вырубili, положили свежий асфальт. Мини-плац превратился в бесплатную парковку, нет ларька — въезду ничто не мешает.

Игорь Андреевич прошел дальше. Ближе к шоссе стоял кунг с продукцией местного мясокомбината — раньше не было. Очередь кой-какая наблюдается, значит, цены приемлемые.

Кафе «Каспий» вывеску сменило! Раньше над ним возвышалась нелепая жлобская конструкция, читалось, если чуть сбоку смотреть, не «Каспий» вовсе, а «Насрий» — однозначно. Смеялись с Веточкой. Сейчас — со всех сторон и боков, и вблизи, и издалека, «Каспий», полноценный «Каспий». Серебристыми легкими буквами. Ночью, интересно, каким цветом горят?

Покружив возле «Каспия», Игорь Андреевич и не заметил, как подошел к дому, в котором жил когда-то.

Внешне дом изменился мало. Тот же желтый, оттенка детской неожиданности, цвет, те же, у кого пластиковые, у кого старые деревянные окна, та же дверь с домофоном. Козырек над подъездом поменяли. Козырька вообще не было, потом силами жильцов (Игорь Андреевич участвовал) возвели скат над входом. В первую же зиму под толщей снежной шапки скат покорежился, изогнулся, а к весне с одного бока обрушился вовсе. Слава богу, без жертв. Сейчас над входом — металлическая арочка, аккуратная, выпуклая, снег, наверно, будет легко съезжать.

Игорь Андреевич стоял у дерева, ну, можно сказать, почти за ним. Хотя время было рабочее, вряд ли кто... А дверь подъездная была та же. Все местные жильцы знали, что, если набрать на домофоне «888», то дверь и откроется. Это на случай, если кто-то ключи забыл или посеял.

Стало просто интересно. Игорь Андреевич подошел и трижды нажал — «OPEN».

5

Он зашел.

Лампочка в предбаннике горела так же тускло. Но горела. Слева был вход в подвал: дверь новую поставили, старая-то, считай, и не закрывалась. Справа — несколько ступенек, ведущих на первый этаж. Первый был нежилой. С торца здания — вход в мастерскую, где занимались ремонтом чего угодно — обуви, одежды, зонтиков, молний, сумок...

Стены, было заметно, белили и красили год-другой назад. Краска теперь была зеленой. Он не смог вспомнить, какой она была четыре года назад — желтой, синей? Но сейчас была другая. Сквозь побелку и краску виднелись следы старых выточенных в штукатурке надписей. Были и свежие каракули. Он их не читал.

А ступеньки были те же, и на первом, и на втором: выщербленные, кривые, скобоченные. С коляской тут, допустим, как? Тащишь на себе, да еще и под ноги надо смотреть, чтобы не навернуться.

На каждом этаже было по две квартиры. Тут коммуналки были изначально, по три-четыре семьи в каждой комнате. Потом разъехались люди, только на четвертом коммуналка осталась. А на втором слева жил Юрка Гуцин с семейством, справа — они с Веточкой и тещей.

Входная дверь была та же. Черная с серым напылением. Надежная дверь, не труха китайская, при нем и ставили. За ней еще одна дверь была — древняя, дерматином обитая. Две двери — для тепла хорошо и для безопасности. Хотя дерматиновую тоже, по-хорошему, давно бы поменять, да руки не дошли.

И тут он услышал, как в той, внутренней двери, поворачивается замок.

Он застыл, дернулся было вниз, охнул внутренне, вскинул руки и понесся, на одних носочках, на третий этаж, перемахивая сразу через три ступеньки. Хотел было махнуть на четвертый, но вжался в стенку между квартирами, замер.

— Руки-то опусти, — шелестнул оппонент, — не поймали еще.

Под ним, на втором, открылась и наружная дверь. «Шумно я или не шумно? Слышно или не слышно?»

Внизу забренчали ключами и вдруг затихли. «Прислушивается? Услышала?» Тишина была нехорошей.

Вдруг он понял, что в дверные глазки из квартир по бокам — он сейчас, вжавшийся в стенку, струсивший, — как на блюдечке. В одну квартиру въезжало семейство с Севера прямо перед его уходом, и не знакомы, считай. В другой жила очень скверная, склочная парочка, которую никто в доме не любил, и они с Веточкой с ними тоже не общались. Но они-то, склочники, его знали.

«Кой черт меня понес, кой черт... Но, может, на работе сейчас, на работе все...»

— А она-то почему дома? — шелестнул оппонент.

Почему-то он сразу понял, что там, под ним, она, Веточка. Не теща или кто-то еще.

«Сейчас подниматься станет, — думал он. — Бежать на четвертый, а там на чердак? Заперто может быть. А если не заперто? Крышами уходить?»

Однажды спутниковую тарелку ставили, на крышу. Он мастерам чердак отпирал, потом сам на крышу вылез полюбопытствовать. Там склон такой, и шифер хрупкий. А Веточка рассказывала, что на этой крыше загорала, в детстве, в отрочестве. Она тогда не под шифером была — крыша.

«Что же она там стоит?»

Забренчали ключи, закрылась внутренняя дверь, захлопнулась входная. Кто-то медленно спускался по ступенькам. Осторожно, как немощный, как в темноте.

Он считал шаги. Когда хлопнула и подъездная дверь, бесшумно сбежал к окну между вторым и первым этажами, над козырьком. Стекло здесь тоже заменили, сколько лет зияло, разбитое — сквозняк...

Внизу, между деревьями, к «Каспию» или к гастроному шла, покачиваясь, женщина в широком синем, по колено, пальто, в визаной шапочке. Это была Веточка, хотя лица он не видел, пальто и шапочка были незнакомые, и походка была совсем другой.

Он вышел, надвинув кепку на брови. Веточка шла уже по тротуару вдоль шоссе. Вокруг ходили другие люди.

Он быстро пошел через двор, параллельно тротуару, чтобы обогнуть «Каспий» с тыла. Не учел, что за кафе — большая огороженная стоянка, пришлось обогнуть еще и соседний дом, пробежать вдоль него. А там, за поворотом, он мог столкнуться с Веточкой, если она шла в парикмахерскую, или вообще не увидит ее, если ее ждала машина, припаркованная, ну, там, вдоль трассы.

Но он увидел ее. Вывернув к гастроному, как раз увидел, как она заходит: медленно, осторожно, в одной руке сиреневый пакет, другая слегка прижата к животу, слегка живот поддерживает.

Не то, чтобы он не знал, что Веточка беременна. Но не видел же.

— Декрет уже, пожалуй, — прикинул оппонент, — вот и не на работе.

Он не разглядел ее лицо. Поэтому остался стоять у большого, в пол, окна гастронома, пристроившись за стоящим с той стороны, внутри, банкоматом. Банкомат стоял в углу, за ним был колбасный отдел, потом молочный, потом хлебный. Веточка стояла у хлебного, разговаривала с продавщицей. Опять спиной к нему. Потом повернулась, подошла к молочному, поближе. Продавица молочного, перегнувшись через прилавок, погладила ее пальто, принялась о чем-то расспрашивать, тряся руками и головой. Веточка шевелила губами, глядя куда-то вверх, рассмеялась — ровные белые зубки, один немножко изогнут, чуть-чуть... Руки ее слегка поглаживали широкое синее пальто.

Это была не Веточка.

Какая она ему теперь Веточка? Это была незнакомая женщина Светлана.

Он подошел к кунгу местного мясокомбината. Цены, действительно, были чуть ниже обычных розничных. Пристроился было в небольшую очередь. Но увидел на витрине список таких же выездных торговых точек, расположенных в других районах города. Одна — совсем рядом с его нынешним домом.

Под кунгом была лужа. Бурые листья в ней вздрагивали всякий раз, когда их окатывали брызги, долетавшие с проезжей части.

6

Расходились без истерик, скандалов и сцен. Можно сказать, легко. Можно — поверхностно.

— Понимаешь, я больше не хочу, — сказала Веточка. Так и сказала.

Игорь Андреевич и не понял сначала. Чего «не хочу», зачем, почему? Абсурд какой-то, завихрение, бзик.

— Не хочу, — упрямо твердила Веточка. — Перегорело.

Слово-то какое. Игорь Андреевич и говорит:

— Так разводиться, что ли?

А она:

— Да. — И смотрит куда-то вверх. — Ты добрый, спокойный, надежный, но... Не хочу.

Игорь Андреевич хотел было спросить, но... Но не спросил. Очень уж его это «но» смутило. Прямо ступор какой-то. Нет, он понимал, что последнее время что-то было не так. Может быть, даже очень многое. Детей у них нет, да. Так, для себя хотели пожить, друг для друга. Она на девять лет его моложе, есть еще время. И если в этом дело, то... Дело-то, мама моя, не в этом. А в невесть откуда возникшем «НО», о которое и споткнулся.

За полгода до этого она ему часы подарила, наручные. На день рождения. Игорь Андреевич обрадовался, конечно. Часы сейчас не то, чтобы необходимость, в телефоне время есть, в компьютере. Скорее, предмет роскоши, показатель статуса. Хорошие часы, стильные, японские, самозаводящиеся. Игорь Андреевич тогда порадовался и все: приятно, знак внимания. А через полгода, после разговора, вспомнил. Примета такая есть, нехорошая: дарить близкому человеку часы — к расставанию. Сама же Веточка его этой примете и научила.

Вещи его она сама собирала. Вместе приехали на его старую квартиру, которую несколько лет внаем сдавали. Веточка все аккуратно разложила. Между прочим, некоторые свои чашки-блюда привезла, прямо сервизами. И банку борща. Литровая банка с закручивающейся крышечкой — удобно. На крышке написано: «Мацони 4 %». Теща борщ сварила, Веточка его — в банку. На первое время, чтоб не варить, подогреть только.

На следующий день — в загс. Буднично, обыденно. Приняли заявления. «Пошлину оплатили?» — «Да». — «Совместные дети есть?» — «Нет». — «Обоюдные претензии имеются?» — «Не имеются». — «Через месяц приходите».

И стал Игорь Андреевич жить один. Она несколько раз приезжала, привозила еще что-то по мелочи.

— Не передумала? — спросил Игорь Андреевич через месяц.

— Нет.

И в загсе так же спросили.

И все.

Да, он спросил, когда в очереди ждали, как там мама, теща, в смысле, как здоровье. Как сама-то... Все хорошо. Все просто прекрасно.

Созванивались поначалу, он, в основном. Ее день рождения, тещин, 8-е Марта, а как же.

Вежливые перезвоны, положено, ну да. Отвечала она кратко, в беседы на отвлеченные темы не вступала. Игорь Андреевич стал звонить реже. Потом и совсем перестал. Достаточно было думать: «Вот видела бы она меня сейчас, что бы сказала?» Оппонент, конечно, ехидничал:

— Нужен ты ей...

Так Игорь Андреевич и с оппонентом общаться почти перестал: пошлет куда подальше, и без вариантов.

Образ жизни он вел привычный. Только один, вот уже четвертый год. Просыпался, завтракал (сейчас вот — зарядка до завтрака, душ), уходил на работу. На работе, кстати, слегка повысили, ценят. Возвращался — ужин, телевизор, спать. Скучно? Да дел хватает. На работе, бывает, так мозги забьешь, что... И потом, когда человек один, дел-то набирается. Готовить за тебя никто не будет.

Готовить Игорь Андреевич любил. Не деликатесы, без приамбасов с излишествами, но и не только картошка жареная (хотя — вкусная штука), не только яшеника... А — и салаты, включая мясные, и мяса отварить или в духовочке, а уж супы — и борщ, и щи, и харчо, и рассольничек... Не каждый день, конечно, кашеварил. Когда один — вполне можно на три-четыре дня вперед, только подогреть. И посуду помыть — сразу же. Никаких заваленных раковин, когда один — несложно, раз-два.

А по выходным — стирка, глажение, уборочка... Игорь Андреевич поддерживал чистоту: никакой пыли, раковины, ванна, унитаз поблескивают, жирные пятна в плиту не врастают. Никак не назовешь квартиру холостяцкой. Приди, кто хочешь, хоть завтра, хоть сегодня, а у него — чистота, никаких тебе разводов, все по полочкам, все на своих местах. Вещи глаженные, диван покрывалом застелен. Прищепочки на сушилке — они разноцветные — и те аккуратно друг с другом скомпонованы: розовые к розовым, голубые к голубым, беленькие с беленькими. Заходи — оцени, какой приличный мужик проживает, золото, а не человек.

Приходил-то редко кто. Соседи — с ними у лифта общались. «Вернулись?» — «Вернулся». — «Ох, хорошо! А то жильцы ваши...» — «Все, никаких больше жильцов, не волнуйтесь».

Пару раз гостей зазывал: коллег по работе, мужиков, да старых приятелей. Оба раза пили за полночь, курили на кухне (Игорь Андреевич курить бросил, когда женился: Веточке не нравилось), наутро — бедлам на столе, в квартире — «насрий» категорический. И в памяти — не дружеское общение, не разговоры по душам, а такая чушь несусветная, лезет каждый со своей ерундовиной...

В общем, лучше без этого, одному. Одному неплохо, дела найдутся. Зарядка вот сейчас, животик убрал.

— Животик-то какой был, такой и остался!

— Цыть, зараза! Смотри: спина немножко круглая, поэтому и спереди выпирает, а так — вполне...

За это время телевизор обновил, шкаф приобрел с зеркалом во всю дверь. Кухонный гарнитур теперь новый — в салатово-лимонных цветах. Приятные цвета, радостные.

Женщина — да, хорошо бы, чтобы была женщина. Время от времени. И почему бы ей не быть — годы еще приемлемые. Женщина все же нужна. Хотя бы, чтобы поговорить. С женщиной можно поговорить на совсем другие темы, чем с мужчинами. А иногда поговорить надо.

Встречался за это время с одной. Старая приятельница. Тоже одинокая, с мужиками не везло. Четыре раза встречались. У нее, у нее. Но, во-первых, кавардак у нее в доме, просто с ног на голову, бедлам. Во-вторых, посуда немытая. Игорь Андреевич говорит: «Давай-ка я быстренько твои завалы разотру, где губка?» А она: «Не трогай мой тарелки!» В-третьих, в голове карусель, глаза все время закатывала. То как нормальный человек смотрит, то как дурочка из переулочка. В-четвертых, у нее волосы в носу, в левой ноздре.

Мало, за четыре года-то? Нет, почему за четыре, только за три. С небольшим.

Вот Алла Петровна, Аллочка — видно, что нормальный человек, достойная женщина.

— Из чего же это видно, что нормальный? Абсолютно неизвестный тебе человек. Чужой. Ляпнул тоже — Аллочка!

Не то, чтобы Игорь Андреевич не знал, что Веточка, Светлана, то есть, замуж вышла. Знал, добрые люди рассказали, общие знакомые. Знал, что и забеременела. Но не видел же.

7

Игорь Андреевич стоял на своем балконе и курил. Оппонент пытался сосречь. Игорь Андреевич игнорировал.

Пачку купил в ларьке на мини-рынке возле дома. Перед этим приобрел в стоящем рядом кунге палку «Краковской» местного мясокомбината.

С балкона было видно три таких же, как у него, близнеца-дома, где загорались сейчас желтые четырехугольники окон. Между домами, да и за ними, собственно, — небольшая лесопосадка. Чуть ниже — хвойные деревья, позже посадили; повыше — лиственные, сейчас почти голые. Легкие города. А за ними — опять городские огни, много. И там, в тех огнях, слева, отсюда не видно, намного левей — ее дом.

Игорь Андреевич курил и смотрел, как сгущаются краски вечера. Сначала низкая хвойная посадка стала одной черной полосой, потом она слилась в сплошное черное с голыми березами. А желтых четырехугольников загоралось все больше и больше. А небо над ними было уже не марлей, а ватой. Но тоже нестерильной, подававшей виды.

Куриль было мерзко. Оппонент то и дело пытался встрять, но Игорь Андреевич все попытки пресекал категорически. Окурочек было попытался выбросить вниз, но передумал, пошел на кухню, затушил его под струей. Окурочек выглядел жалко. В мусорное ведро выбросил.

Сидел рядом с ведром, линолеум рассматривал. Хороший линолеум, практичный, рыжеватый в серых пятнышках, если какая-нибудь грязь ненароком — не очень и заметно. Грязи-то он не допускал, но все же.

Игорь Андреевич сидел и рассматривал пятнышки на линолеуме. Они явно

складывались в фигуру женщины. Голой, обнаженной. Волосы распущенные, смотрит куда-то вверх, живот круглый. Явно беременна, на позднем сроке. Игорь Андреевич встал.

Отрезал «Краковской», снял шкурку. Смачно надкусил. Штырь чертов больно уколол нижнюю губу, изнутри. Оппонент встрепнулся.

— Заткнись, — сказал Игорь Андреевич, — сам знаю.

Зазвонил телефон.

— Игорек, Игорь Андреевич, милый, — придыхала Васнецова, — ну, ты где, ты что? Аллочка звонит, говорит: ушел и не вернулся. Что с тобой, как ты?

— Дома я, дома, — тронул губу Игорь Андреевич. — Завтра все объясню. Отлучиться пришлось — по работе.

— Ну, так же нельзя.

— Можно, Васнецова, можно.

Губа болела. Перекисью капнуть? Или шалфейчиком?

На следующий день Игорь Андреевич не пришел на работу. Была пятница.

Пришел в понедельник, написал шефу объяснительную, пятницу засчитали в отгул.

Во вторник пришел к Алле Петровне, которая (в отпуске-то!) вышла на работу специально ради него.

Долго и путано извинялся. Стоматолог-ортопед качала головой, была холодна. Но, когда завершили эпопею с зубом, оттаяла:

— Ну, вот теперь и правда хорошо, не отличишь. Посмотрите — красавец!

И поднесла зеркальце.

Зуб, действительно, был красавцем. Зуб-то.

Игорь Андреевич расплатился.